

О родовой травме российской правовой системы

ВВЕДЕНИЕ

Вадим Владимирович Корольков (р. 1997) – аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, глава Дискуссионного клуба федералистов.

Кризис отечественной правовой системы становится все более очевидным не только для ученых-правоведов и практикующих юристов, но и для широкого круга российских граждан. Буква закона, действие которой, по определению, распространено на всех, воплощается в правоприменительной практике выборочно, а о «духе закона» в текущих реалиях могут говорить только неумолимые оптимисты. Расхождение между нормой и практикой права наблюдается повсюду: правоохранительные органы выборочно подходят к решению вопроса о правах человека, что лишь легитимирует и множит фактическое неравенство граждан Российской Федерации; наша политическая система не только не восприимчива к провозглашенным правилам ее функционирования, но и способна менять эти правила в соответствии со своими внутренними нормами, скрытыми от общественности; федеративное устройство, призванное отражать единство в многообразии, стало средством контроля правящей партии над регионами в рамках «единой системы публичной власти». Продолжая этот перечень, можно также упомянуть о сложившихся в российском праве пробелах – особенно по политическим вопросам¹, о проблеме неисполнения судебных решений – вплоть до решений Конституционного Суда², об участившихся случаях применения репрессивного законодательства на основании нечетко сформулированных критериев³. Все перечисленное доказывает, что кризис российской правовой системы имеет основание в ее краеугольном камне: в Конституции Российской Федерации 1993 года.

- 1 Например, до сих пор остаются непринятыми федеральные конституционные законы о Конституционном собрании, полномочном принимать новую конституцию страны, изменении статуса субъектов, общих принципах организации федеральных территорий.
- 2 Согласно официальной статистике за 2022 год, в стране исполняется лишь половина вступивших в силу решений судов: *Итоговый доклад о результатах деятельности Федеральной службы судебных приставов России в 2022 году* (https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/2837777). О проблемах исполнения решений Конституционного Суда см.: *Конституционный Суд России: осмысление опыта* / Под ред. А.Н. Медушевского. М.: Центр конституционных исследований, 2022. С. 424–446.
- 3 Подробнее см.: Федотов М.А. *К вопросу о понятии «иностранный агент» в российском праве* // Труды по интеллектуальной собственности. 2012. Т. 11. № 2. С. 4–77; Михайлов В.К. *Критический взгляд на позицию Конституционного Суда по условиям признания некоммерческой организации иностранным агентом* // Право и современные государства. 2015. № 1. С. 17–28.

Основной закон, как юридический и политический акт, призван не только отражать вполне конкретные представления общества о том, что должно быть нормой права, но и создавать институциональные условия для воплощения этих норм на практике. Масштаб проблемы подразумевает, что недостатки Конституции могут объясняться посредством обращения к социальному контексту, в котором она действует. Иначе говоря, конституционный текст выступает не первопричиной кризиса национальной правовой системы, а симптоматичным проявлением более сложного и глубокого кризиса, сложившегося в российском обществе – кризиса нормативности. Столь сложное социальное явление далеко не всегда будет таким очевидным, как иные социальные кризисы, однако именно кризис нормативности несет в себе множество долгосрочных угроз для общества и государства.

Соответственно, анализ принятия и изменения Конституции Российской Федерации 1993 года как наиболее характерных проявлений кризиса нормативности позволит обозначить контуры накопившихся опасностей и выбрать инструментарий для их устранения. Однако патологическое состояние общества, как и патологическое состояние организма в медицине, невозможно обнаружить без предварительного постулирования того, что является нормой. В случае с обществом диагностика патологических состояний может быть произведена при помощи политической философии и теории права.

В ПОИСКАХ ПАТОЛОГИИ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Классическая политическая философия изначально связывала возникновение политического порядка с преодолением анархического состояния войны всех против всех. Например, Фукидид указывает, что древняя Эллада не имела оседлого населения и больших городов, поскольку ее обитатели находились в состоянии постоянных междоусобиц и занималось разбоем⁴. Считая состояние войны всех против всех естественным для людей, Томас Гоббс вслед за Фукидидом отмечал, что оно, покушаясь на коллективные интересы, угрожает жизни индивида: ведь даже господство сильного, который, как и все люди, подвержен страстям, не будет продолжительным. Поэтому, согласно Гоббсу, человек, стремясь к миру, счастью и справедливости, передает свое естественное право решать вопросы войны и мира, жизни и смерти «рукотворному богу» – государству⁵.

⁴ См.: Фукидид. *История*. Ленинград: Наука, 1981. С. 5–7.

⁵ См.: Гоббс Т. *Левиафан*. М.: Мысль, 2001. С. 85–89; 116–128.

Этот Левиафан пребывает в естественном состоянии по отношению к другим государствам, но в его собственных пределах естественное состояние становится невозможным по определению. Власть Левиафана, таким образом, отличается от власти тирана, основанной исключительно на насилии, тем, что государственное насилие будет в глазах населения легальным. Следовательно, источник легитимности Левиафана находится в народе, который если и не выступает полноценным субъектом общественного договора в духе Жан-Жака Руссо, то как минимум признает действительным наличный консенсус политических элит.

Теория права – за исключением некоторых радикально-догматических направлений – воспринимает природу государственной власти аналогично. Так, например, Габриэль Шершеневич рассматривал государственную власть как фактическую политическую силу, стремящуюся к рационализации; Морис Ориу называл государственный режим «надстройкой», приспособляющей отношения фактического господства к общим интересам, а Карл Шмитт, понимая под публичной властью проявление социального факта господства, заявлял, что системы легальности государств зависят от способов легитимации правящих элит, участвующих в политической борьбе⁶. Иными словами, классики континентальной правовой традиции не отказываются от учета фактических обстоятельств функционирования публичной власти в конкретных условиях, но вместе с тем признают необходимость подчинения этих фактических обстоятельств публично значимым – и, следовательно, рациональным – основаниям.

И если политико-философская концепция возникновения государственной власти как способа преодоления хаотичного естественного состояния может быть подвергнута справедливой критике как с точки зрения ее историчности, так и с практических позиций, то главный вывод, проистекающий из этой концепции, вряд ли столкнется с подобными возражениями. Так, из намеченной Гоббсом предпосылки, согласно которой надо рационализировать общественную жизнь, ограничивая права сильного, позже выросла теория разделения властей Джона Локка, воспринятая отцами-основателями США. Более того, внимание, уделенное этому тезису авторами американской Конституции, стало гарантией многовековой устойчивости учрежденного ими правопорядка.

И хотя идеалистическую установку разделяют не все современные конституционалисты, большинство из них видят в го-

6 См.: ШЕРШЕНЕВИЧ Г.Ф. *Общая теория права*. Т. I. М.: Издание братьев Башмаковых, 1910. С. 222–230; ОРИУ М. *Основы публичного права*. М.: Издательство Коммунистической академии, 1929. С. 296–310; ШМИТТ К. *Понятие политического*. СПб.: Наука, 2016. С. 15–16; 181–184; 261–263.

сударстве объект конституционно-правового регулирования. В частности, Дмитрий Шустров, экстраполируя учение о социальном инжиниринге Карла Поппера на конституцию, вводит в научный оборот понятие конституционного инжиниринга государства, что позволяет ему рассматривать учреждение государства в Основном законе не только как акт рождения противопоставленного хаосу Левиафана, но одновременно и как способ его «приручения»⁷. Недостатки такого подхода требуют отдельного и разностороннего обсуждения, однако нельзя не заметить, что он в целом отражает устоявшийся в классической политической философии взгляд на природу государства и конституции.

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ

О РОДОВОЙ ТРАВМЕ
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ
СИСТЕМЫ

ПАТОЛОГИЯ НАЙДЕНА: РОДОВАЯ ТРАВМА КОНСТИТУЦИИ 1993 ГОДА

Современный кризис нормативности, наблюдаемый в российском обществе, уходит корнями в советский период. Сложившаяся на практике и закреплённая в советских конституциях автократия коммунистической партии обеспечивала «единственно верное» понимание нормативности в советском обществе. На раннем этапе действенность создаваемых советской властью норм обеспечивалась не только силовым способом, но и обещаниями построения сначала социализма, а потом и коммунистического рая на земле. Продолжительное отсутствие конкуренции в борьбе за политический ресурс привело к персонализации понятия нормативности: нормой считались деяния, совершенные в соответствии с волей вождя партии и государства. После смерти Иосифа Сталина перед партийной элитой открылась возможность проведения конституционной реформы, приближающей право и государство к универсальной (то есть публичной) рациональности. Однако подобная реформа требовала серьёзного пересмотра идеологических постулатов, устоявшихся в сознании элит и населения, на что у правящих кругов, переживших многочисленные чистки, попросту не хватило интеллектуального ресурса. Поэтому в своем закрытом докладе XX съезду КПСС Никита Хрущев, вскрывая многочисленные сталинские злоупотребления, призывал к осуждению культа личности, но не самого режима, сделавшего этот культ возможным⁸. «Работа над ошибками», проведенная наследниками сталинизма, сводилась лишь к тому, чтобы не допустить повторения концентрации всей власти в руках одного челове-

7 Подробнее см.: Шустров Д.Г. *Прирученный Левиафан: государство как объект конституционно-правового регулирования*. СПб.: Алет Пресс, 2014. С. 43–52.

8 См.: Хрущев Н.С. *О культе личности и его последствиях* // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–170.

ка, культивируя вместо этого коллегиальность в принятии важнейших решений. Для партийной элиты, стремящейся к самосохранению в рамках сложившейся политической системы, такие действия выглядели вполне рациональными, однако они не отвечали общественным нуждам и, следовательно, по-прежнему не имели касательства к универсальной рациональности. Отстраненность партийных элит от нужд момента и непонимание ими ключевых государственных надобностей окончательно размывали нормативную действительность сложившегося после 1917 года политического порядка, обусловив его крах.

Вакуум власти, вызванный крушением социалистического политико-правового эксперимента, заполнили не имеющие нормативной иерархии отношения между партикуляристскими элитами. В итоге кондиции, сложившиеся на рубеже 1980-х и 1990-х, внешне были весьма похожими на состояние древней Эллады, описанное Фукидидом и охватываемое определением естественного состояния, предложенным Гоббсом. Принятие Конституции 1993 года и последующее укрепление государственных институтов, очевидно, до сих пор воспринимаются многими гражданами нашей страны как меры, направленные на скорейший выход России из кризиса. Однако, подобно тому, как временная ремиссия не означает полного исцеления, так и внешняя стабилизация общественных отношений не тождественна стабильному правопорядку.

Кондиции, сложившиеся на рубеже 1980-х и 1990-х, внешне были весьма похожими на состояние древней Эллады, описанное Фукидидом и охватываемое определением естественного состояния, предложенным Гоббсом.

Травма, пережитая российским обществом в 1993 году, состояла в том, что консенсус элит, без которого создание подлинно устойчивого правопорядка невозможно, в нем так и не сложился. В ходе борьбы за конъюнктурные экономические преимущества, сводившиеся к присвоению промышленных и сырьевых ресурсов, сложились предпосылки для политического столкновения действовавших на тот момент Президента и Верховного Совета. Консенсус в олигархических кругах, подерживавших главу государства, можно было считать легитимирующей основой лично для Бориса Ельцина, но не для всего недавно учрежденного им государства. Подлинная легитимация требовала не только парламентского участия, но и признания депутатами, представляющими различные части полити-

ческого спектра, декларируемых президентской властью правил игры. Однако вместо того, чтобы сосредоточиться на достижении такого результата, Президент Российской Федерации в октябре 1993 года принудительно распустил Верховный Совет и Конституционный Суд, после чего фактически навязал стране собственный проект Основного закона. Конституция Российской Федерации 1993 года, таким образом, не стала детищем классического конституционного конвента, на котором мудрые отцы-основатели тщательно выверяют баланс элитных интересов – и уж тем более не воплотила единодушия элитных кругов и рядовых граждан. Вместо этого Основной закон фиксировал персональные устремления лидера, использующего в качестве аргумента в споре с парламентариями танки, а также узкого круга лиц, присвоивших себе значительную часть общенародного достояния. Однако при абстрагировании от социально-политических оснований легитимности Конституции 1993 года легальность ее принятия на неправомочном плебисците вызывала немало вопросов, причем даже у сторонников правового позитивизма⁹.

Анализ норм Конституции Российской Федерации позволяет вскрыть по меньшей мере две взаимосвязанных предпосылки, обусловившие кризис нормативности. Во-первых, представленная в документе конструкция президентской власти подразумевала создание автократии уже в среднесрочной перспективе. Поскольку Основной закон обрел силу не в результате договоренностей элит, а из-за утверждения у власти определенных политических сил, последние были заинтересованы в последовательном «закручивании гаек», которое позволяло бы им в будущем удерживать власть, основанную на насилии. Во-вторых, такие элиты не могли себе позволить откровенный произвол, поскольку в массовом сознании это означало бы возвращение к автократии, от которой, как тогда казалось, российское общество навсегда избавилось с крушением СССР. Именно поэтому новый режим был заинтересован в том, чтобы как можно дольше использовать правовые инструменты или, если угодно, правовую фразеологию. Тем не менее подобный курс совсем не означал реального оформления государства и права в трактовке классической политической философии и теории права. Напротив, Конституция Российской Федерации и вся порожденная ею правовая система однозначно дают понять: под сенью ее положений правым всегда будет тот, в чьих руках сила.

Иными словами, кризис нормативности в России вызрел не в столкновении различных правопониманий, практикуемых, с одной стороны, элитами, а с другой стороны, массами, а из-за

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ

О РОДОВОЙ ТРАВМЕ
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ
СИСТЕМЫ

9 См., например: АВАКЬЯН С.А. *Конституционное право России*. М.: Норма; ИФРА-М, 2021. Т. 1. С. 308–313.

того, что нормативность как таковая в российском обществе за все десятилетия транзита так и не смогла сложиться. Оторванные от реальной жизни законы и проблемная правоприменительная практика являются, таким образом, лишь внешними проявлениями не преодоленного российским обществом естественного состояния – с присущим ему доминированием права сильного.

Основной закон фиксировал персональные устремления лидера, использующего в качестве аргумента в споре с парламентариями танки, а также узкого круга лиц, присвоивших себе значительную часть общенародного достояния.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ: РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА В ДИНАМИКЕ

Заложенные в Конституции принципы автократии начали укрепляться задолго до выхода на сцену нынешнего президента. Так, в решении по «чеченскому делу» 1995 года Конституционный Суд Российской Федерации констатировал наличие в конституционной практике России института «скрытых (подразумеваемых) полномочий Президента»¹⁰. Иначе говоря, высшая судебная инстанция заявила о важной вещи: функционируя в качестве гаранта Конституции, глава государства получил правовые основания для осуществления полномочий, не предусмотренных Конституцией напрямую. Вместе с тем на фоне углубления первой тенденции – укрепления президентской власти – вторая тенденция, напротив, все чаще начинала давать сбой, поскольку привлекать правовую фразеологию для оправдания произвола с течением лет становилось все труднее. Селективное использование Основного закона со временем привело к искажению фундаментальных элементов российского конституционного права как отрасли российского права.

10 См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 “О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики”, Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 “О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта”, Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 “Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа”, Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 “Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации”».

Иллюстрации этого утверждения более чем многочисленны. Статус личности в новой парадигме позволяет использовать частные права для ограничения публично-политических свобод¹¹ или обосновывать ограничение доступа к иностранным социальным сетям не публичными интересами, а защитой граждан от потенциально оскорбительного контента¹². Конституционные положения об организации публичной власти отражают институционализацию произвола Президента Российской Федерации по отношению к трем ветвям государственной власти¹³, а трактовка отдельных норм Конституционным Судом и конституционным законодательством тяготеет к выхолащиванию содержательных аспектов конституционного строя¹⁴. Наконец, территориальная организация публичной власти сведена к строго иерархичной структуре публичной власти, подконтрольной главе государства, – хотя такое регулирование никак не препятствует появлению всевозможных исключений из общего порядка, будь то закрытые административно-территориальные образования, наукограды, инновационные центры, территории опережающего развития, научно-технологические центры, федеральные территории¹⁵ или вновь присоединенные субъекты федерации, конституционно-правовой статус которых существенно отличается от статуса других российских регионов.

В качестве альтернативы основам конституционного строя, не целенаправленно, но поступательно выхолащиваемым из практики государственного строительства, в средствах массовой информации предлагается вполне конкретный набор идеологических постулатов. Речь прежде всего об использовании высокопоставленными должностными лицами и представителями бизнеса категориального аппарата, который в свое время разработал русский правовед и философ Иван Ильин – причем не в качестве иллюстративной отсылки, а на вполне системной

11 Так, например, регистрация товарного знака «Иностранный агент» собственником «Russia Today» автономной некоммерческой организацией «ТВ-новости» позволила в судебном порядке запретить продажу одежды с соответствующей маркировкой. Этот запрет фактически ограничивает возможность граждан выражать сочувствие опальным деятелям науки и культуры. См.: *Постановление Суда по интеллектуальным правам от 9 марта 2023 года № А40-273639/2021*.

12 См.: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74180.htm>.

13 В частности, согласно Конституции, Президент Российской Федерации вправе (а не обязан, как ранее): распустить Государственную Думу в случае трехкратного отклонения ею представленных кандидатур Председателя Правительства; назначать до тридцати сенаторов в Совет Федерации; назначать министров силового блока после консультаций с Советом Федерации; выступать с инициативой прекращения полномочий судей Конституционного и Верховного судов.

14 Так, например, «единая система публичной власти», определение которой нашло свое отражение в федеральном законе о Государственном Совете, не предполагает в качестве своих элементов институтов непосредственной демократии, которая, согласно части 2 статьи 3 Конституции Российской Федерации, является одной из форм народовластия. См. статью 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации».

15 См., например, Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории “Сириус”».

основе. Отдельные радикальные деятели, например, активисты Национального освободительного движения, открыто призывают изменить «колониальную конституцию» России, упразднить часть либерально-демократических положений первой главы, наделить действующего Президента Российской Федерации неограниченной властью¹⁶. С конституционно-правовой и политико-философской точек зрения идеология инициаторов подобных предложений и их соратников страшна не духом корпоративизма и не объединением всех групп населения «в едином порыве», но попыткой когнитивного оправдания права сильного в условиях отсутствия власти, стабильно легитимизируемой народом.

С одной стороны, без подобной эстетизации права сильного всякое современное государство рискует утратить внешний облик сколько-нибудь организованного общественного института и, следовательно, надежного партнера в международных делах. С другой стороны, неприкрытая опора на силу, характерная, согласно классикам политической философии, для естественного состояния, несет в себе угрозу для самого обладателя такой власти: ведь в любой момент может появиться актер, способный занять его место. Именно поэтому действующим руководством страны в 2020 году была предпринята попытка приблизить конституционный текст к сложившейся реальности. Однако, как показала практика, поправки, разработанные не в самых прозрачных условиях и принятые в результате так называемого «голосования на пеньках», обладали спорным легитимирующим потенциалом. Во многом они воспроизвели главный парадокс Конституции Российской Федерации 1993 года, что и предопределило повторение ими судьбы Основного закона.

Естественное состояние российского общества, скрывающееся за кризисом нормативности, воочию проявило себя в ходе летнего мятежа частной военной компании «Вагнер». Восстание хорошо вооруженной и прекрасно организованной группировки, подталкиваемое скорее всего экономическими резонами, сопровождалось убийствами российских военнослужащих и полицейских, а также захватом столицы одного из субъектов федерации. Так называемый «марш справедливости» наемников на Москву не только не был остановлен российскими вооруженными силами, но и вызвал массовый исход руководителей нации в северную столицу. Внезапное завершение мятежа и неправомерное прекращение уголовного дела против его участников (а также последующая гибель руководителей ЧВК в авиакатастрофе) однозначно подтверждают, что даже денежные

16 См. цели и задачи НОД на сайте организации: <https://nodrf.ru/tseli-i-zadachi-nod>.

вопросы, решаемые при помощи силы, в России приобретают политическую коннотацию, поскольку речь идет о единственном способе легитимации. Показателен в этой связи комментарий Маргариты Симоныян, сделанный после прекращения уголовного преследования взбунтовавшихся наемников:

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ
О РОДОВОЙ ТРАВМЕ
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ
СИСТЕМЫ

«Юридические нормы – это не заповеди Христовы и не скрижали Моисеевы. Их пишут люди, чтобы они защищали правопорядок и стабильность в стране. И если в каких-то исключительных критических случаях получается так, что они перестают выполнять свою функцию, а выполняют обратную, то они идут лесом»¹⁷.

Такая точка зрения в просторечии воспроизводит то понимание суверенитета, которое предложил Карл Шмитт: «Суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»¹⁸. Июльский военно-политический кризис доказывает, что в стране, вопреки записанному в Конституции, сувереном является не народ и даже не круг институционально организованных элит, обладающих материальным, культурным и политическим капиталом, а лишь один человек – действующий Президент Российской Федерации. Это делает российскую конструкцию публичной власти максимально нестабильной не только в вопросе преемственности, но и в части негативных последствий произвольно принимаемых решений. Сказанное подкрепляет заявленный ранее тезис, согласно которому российское общество так и не вышло из естественного состояния – и, соответственно, поднимает серьезный вопрос о его дальнейших перспективах.

Июльский военно-политический кризис доказывает, что в стране сувереном является не народ и даже не круг институционально организованных элит, обладающих материальным, культурным и политическим капиталом, а лишь один человек – действующий Президент Российской Федерации.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Проработка родовой травмы российской правовой системы требует преодоления кризиса нормативности. Для этого в свою очередь российское общество должно выйти из естественного

17 Цит. по: <https://t.me/margaritasimonyan/13063>.

18 Шмитт К. *Указ. соч.* С. 8.

состояния. Поскольку развитые формы самоорганизации граждан в стране отсутствуют, изменение ситуации из-за низового давления видится маловероятным, а это означает, что выработка когнитивно-рациональной основы российской государственности станет возможной лишь усилиями элит, обладающих экономической, политической и военной силой. Исходя из этой предпосылки открываются два возможных варианта выхода нынешней России из естественного состояния.

Первый путь подразумевает самоорганизацию элит в среднесрочной перспективе – между президентскими выборами 2024-го и 2030 годов. Целью такой самоорганизации будет корректировка текущего внутривнутриполитического курса с сохранением выбранной ранее внешней политики. Принципиальной предпосылкой, позволяющей воплотить такую внутриэлитную договоренность, станет прекращение полномочий действующего Президента Российской Федерации. Такого типа манипуляции едва ли отразятся на жизнях рядовых граждан, так как элиты будут заинтересованы не только в ограничении президентского произвола посредством принятия прозрачных и неизменных правил политической борьбы, но и в сохранении экономического *status quo*, позволяющего им обладать всевозможными видами капитала. Новая переходная конституция, таким образом, лишь с оговорками будет соответствовать запросу на социальную справедливость, тогда как залогом долгосрочных изменений в российском обществе сможет стать только ее практическая действенность, а не красота слога. Широким массам в свою очередь предстоит выразить общее приятие основных ее положений, со временем создав на ее фундаменте гражданское общество; тем самым будут обеспечены долгосрочные социальные предпосылки дальнейшего совершенствования конституционного текста – или принятия новой конституции.

Второй путь предполагает сохранение курса на дальнейшую радикализацию политического дискурса и преодоление последних остатков либерально-демократических идей в тексте Основного закона. В этом случае ради сохранения своей власти действующий Президент Российской Федерации должен будет инициировать принятие новой конституции, которая нормативно отразит изменения, произошедшие в государственном устройстве России за годы его правления. Вместе с тем есть основания полагать, что у нынешней правящей элиты, подобно советскому партийному руководству после Сталина, элементарно не хватит интеллектуального ресурса, позволяющего объяснить предпринимаемый идеологический перелом и его нормативные отражения. В этой связи важно отметить, что запрет на официальную государственную

идеологию, установленный статьей 13 Конституции, вопреки распространенному мнению не означает того, что текст Основного закона не несет никакой идеологической нагрузки. Согласно общепризнанной в отечественном конституционном праве позиции, любая конституция выполняет среди прочего и идеологическую функцию, поскольку в ее нормах запечатлевается образ желаемой социально-политической системы. В этом смысле запрет на официальную государственную идеологию сам по себе является проявлением вполне конкретной идеологической установки¹⁹.

Соответственно, конституционное закрепление государственной идеологии не только породит новые обязанности граждан перед государством, но и повлечет за собой по меньшей мере две концептуальные проблемы. Во-первых, как показала практика принятия и изменения Конституции 1993 года, вносимые в нее поправки не всегда отражают реальные взгляды большинства населения. В этой связи не совсем понятно, как прозорливые авторы поправок поймут, что они отразили в конституционном тексте именно ту идеологию, которая пользуется поддержкой населения и которая, следовательно, обладает потенциалом к легитимации правящей элиты. Во-вторых, нельзя игнорировать опыт конституционного утверждения государственной идеологии, уже имеющийся в отечественной правовой истории. Так, закрепление в советских конституциях марксистско-ленинской идеологии, обладающей если и не безошибочной, то бесспорно фундаментальной философской основой, не спасло от краха советскую государственность – а вероятнее всего, стало даже одной из его причин. Стоит ли говорить о том, что убежденных теоретиков и практиков какой бы то ни было идеологии уровня Ленина или Сталина в современной России не наблюдается? Однако авторы призывов к конституционному закреплению государственной идеологии, звучащих как в публичном, так и в научном дискурсе, видимо, считают, что им под силу осуществить то, чего не удалось сделать по меньшей мере двум вождям мирового пролетариата.

Содержание новой конституции, которая лишится целостной идеологической основы, будет внутренне противоречивым, а юридическая техника ее написания значительно ухудшится. Такая конституция, направленная на сохранение автократической власти, будет ориентирована на заморозку сложившихся общественных отношений, но не на становление новых. Следовательно, можно будет ожидать дальнейшего углубления разрыва между нормами Основного закона и фактами реальной жизни. Этот вариант, который является более затратным,

19 Авакьян С.А. *Указ. соч.* С. 162–163.

чем описанный выше, таит в себе угрозы для российской государственности; однако, обратившись к нему, страна рано или поздно ощутит потребность свернуть на первый путь.

Автор этих строк считает, что лишь планомерная работа научного сообщества, объединяемого сдержанным оптимизмом, способна улучшить ситуацию и преодолеть родовую травму тридцатилетней давности. Специалисты должны критически оценить предстоящие изменения отечественной политической системы, всесторонне содействуя элитам в выработке консенсуса относительно новой конституции. Хочется верить, что они не станут в очередной раз принимать желаемое за действительное, интегрируя в Основной закон идеалистические и несбыточные нормы, а напротив, подготовят интеллектуальную основу для несложного, но действенного документа, который не только положит конец естественному состоянию российского общества, но и позволит, наконец, приручить перерожденного Левиафана.